DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-45-76

Ю.Г.Коргунюк

СТРУКТУРА РАЗМЕЖЕВАНИЙ И ИСКАЖЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты проверки гипотезы, согласно которой вброс голосов в пользу «партии власти», искажая структуру электоральных размежеваний в деталях, не меняет ее принципиально. Проверка осуществлялась на материалах выборов 2016 и 2021 гг. в Государственную Думу РФ по пропорциональной системе с помощью следующей методики: в регионах, где в пользу «Единой России» предположительно делались вбросы, из результатов ЕР вычиталось определенное количество голосов в соответствии с разницей между максимальным и эффективным ареалами электорального размежевания, связанного с противостоянием «партии власти» и остальными участниками выборов. При расчетах использовались две модели: в первой порогом для вычета являлась полуторная разница между максимальным и эффективным ареалами, во второй — разница в 5%.

Применительно к выборам 2016 г. первая модель отняла у ЕР более 6,1 млн голосов, вторая — более 12,5 млн, в случае выборов 2021 г. — более 5 и более 10 млн соответственно. Тем не менее кардинального изменения структуры электоральных размежеваний, не говоря уже о ее обнулении, не произошло. Проведенное исследование показало, что, хотя вброс голосов в пользу «партии власти» искусственно выпячивает роль авторитарно-демократического противостояния, затушевывая остальные, сама структура электоральных размежеваний при этом в основном сохраняется. И эта структура хорошо прощупывается с помощью математических методов, прежде всего факторного анализа.

Ключевые слова: выборы по пропорциональной системе, политические партии, электоральные размежевания, политические измерения, электоральные фальсификации

Теория размежеваний (cleavage theory) Сеймура Липсета и Стейна Роккана[1] была создана в свое время для анализа социальных конфликтов, лежащих в основе становления и консолидации партийных систем в северной части Западной Европы. Применима ли эта концепция к странам с режимом электорального авторитаризма с его практикой административного проталкивания своих кандидатов, в том числе путем вброса бюллетеней в их пользу?

[1] *Lipset and Rokkan 1967.*

Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что значительная часть исторического периода, на материале которого построена концепция Липсета—Роккана, отличалась незрелостью партийной демократии. Избирательное право в Европе еще не было всеобщим, выборы по факту были не совсем равными, а то, что сегодня называют административным ресурсом, цвело пышным цветом. Все это не помешало, однако, появлению теории размежеваний.

Сходным образом обстоит дело и с современным авторитаризмом, который отнюдь не предполагает отмены выборов. Подавляющее большинство сегодняшних авторитарных режимов относится к так называемым электоральным автократиям, в которых на выборах проводится реальный подсчет голосов (во всяком случае, на большей части территорий). Такие автократии редко прибегают к тотальным фальсификациям: власть подбрасывает голоса своим кандидатам и партиям, но не подтасовывает результаты остальных участников — хотя бы потому, что не видит смысла в лишней работе.

Вброс бюллетеней, конечно же, искажает электоральное пространство, но до какой степени? Уничтожает ли он саму возможность определить структуру размежеваний — например, с помощью математических методов?

В настоящей статье представлены результаты поиска ответов на эти вопросы на материале выборов в Государственную Думу РФ.

Постановка задачи и методология исследования

Следует отметить, что с момента появления теории размежеваний предмет ее внимания несколько изменился. В первоначальном виде она пыталась объяснить относительную устойчивость западноевропейских партийных систем доминированием ряда фундаментальных конфликтов социальных интересов — недаром одним из ключевых пунктов концепции Липсета—Роккана была гипотеза, согласно которой после введения в европейских странах всеобщего избирательного права там установились партийные системы, застывшие (freezed) в своем развитии на несколько десятилетий.

К 1990-м годам, когда взгляд на размежевания как на фундамент стабильности партийных систем потерял убедительность, интерес к этой теории со стороны партологов снизился, сохранившись, однако, у исследователей массового политического сознания[2], которые рассматривают размежевания прежде всего как политические противостояния, имеющие социальный резонанс.

[2] *Huber and Inglehart 1995; Albright 2010; Lachat 2018; Rovny and Polk 2019; Rovny and Whitefield 2019 и др.*

Выявлять последние можно разными методами, в том числе математическими — например, с использованием факторного анализа результатов голосования по партийным спискам в различных территориальных единицах. Тем самым фиксируются факторы территориальных различий в партийном голосовании, которые при обнаружении у них политической интерпретации и социальной базы могут быть признаны электоральными размежеваниями (ЭР)[3].

[3] Ахременко 2007; Коргунюк 2013, 2017, 2019a, 2019b, 2023.

По каждому фактору факторный анализ присваивает переменным (variables), то есть партиям, факторные нагрузки (factor loadings), колеблющиеся в интервале от -1 до 1, а случаям (cases), то есть территориальным единицам, — факторные оценки (factor scores), которые колеблются в более широком диапазоне.

«Лицо» каждого из факторов определяют переменные с наиболее расходящимися факторными нагрузками. Так, в России начиная с 2003 г. в роли первого фактора (электорального размежевания) выступает противостояние «Единой России» и остальных партий, обычно более или менее оппозиционно настроенных[4]. Если у «партии власти» факторная нагрузка по этому фактору имеет положительный знак, то у ее оппонентов она будет отрицательной (знак нагрузки не имеет принципиального значения, главное — само наличие поляризации). Наиболее высокие по модулю факторные оценки получают те регионы, где поддержка «Единой России» была наибольшей либо, наоборот, наименьшей (разумеется, с противоположными знаками).

[4] Коргунюк 2013, 2017, 2019a, 2019b, 2023.

Доминирующий характер размежевания по линии «„Единая Россия“ против всех остальных» вполне можно объяснить административным давлением на избирателей и даже откровенным вбросом бюллетеней. Однако не все так просто.

Злоупотребления административным ресурсом родились не в 2000-х годах. Правильнее сказать, что они никуда не девались с советских времен. На первых более или менее свободных выборах 1989—1991 гг. они работали на кандидатов от КПСС, в 1990-х годах — на кандидатов, близких к региональным и местным властям, которые в разных субъектах Федерации отдавали предпочтение разным партиям. В 2000-х годах административный ресурс был централизован и стал использоваться исключительно в интересах «Единой России». Его применение сразу стало заметным, и на смену господствовавшему в 1990-х годах размежеванию между советскими традиционалистами (коммунистами) и либералами-рыночниками пришло размежевание по линии «власть—общественность»[5], «власть—невласть»[6].

[5] Коргунюк 2013, 2017.

[6] Мелешкина 2004.

Но административный ресурс не сводится к фальсификациям и вбросу бюллетеней, главный его смысл — манипулирование сознанием избирателей. Поэтому в доминировании «Единой России» имеется не только фальсификационная, но и пропагандистская составляющая. И вопрос даже не в соотношении этих двух компонентов, а в том, насколько фальсификации искажают структуру и иерархию электоральных размежеваний.

Выяснить это можно путем сравнения конфигурации электорального и политического пространств. Если фальсификации играют решающую роль в обеспечении главенствующего положения «Единой России», эти пространства не конгруэнтны. Если же в политическом пространстве сложилась система противостояний, одно из которых связано с особым местом «Единой России», ведущую роль в доминировании «партии власти» играет все-таки пропагандистский компонент.

Как же сравнивать конфигурацию электорального и политического пространств? Мы используем для этого корреляционный анализ факторных нагрузок партий в обоих пространствах.

Факторные нагрузки партий в электоральном пространстве выявляются путем факторного анализа результатов (долей голосов), полученных партиями в различных территориальных единицах. Факторные нагрузки партий в политическом пространстве — посредством факторного анализа позиций тех же партий по актуальным вопросам политической повестки, порождающим наибольшую поляризацию в межпартийной дискуссии[7].

Оценки партийным позициям проставляются по шкале от -5 до +5, где -5 — резко отрицательная позиция, +5 — сугубо положительная, а 0 — центристская или отсутствующая (в соответствии с принципом: «и нашим и вашим» = «ни нашим ни вашим»)[8]. Затем проводится факторный анализ этих оценок, в результате чего также выделяются факторы, которые мы вслед за Иэном Баджем и его коллегами по проекту «Манифесто»[9] будем называть политическими измерениям (issue dimensions).

Факторные нагрузки позволяют определить главных участников соответствующих противостояний, а факторные оценки, присваиваемые вопросам (cases), помогают понять, какие из них в наибольшей степени поляризуют партийные позиции по каждому из факторов (измерений), поскольку самые большие по модулю факторные оценки как раз у таких вопросов.

При этом интерпретация данных измерений носит многоступенчатый характер. Сначала вопросы разбиваются на четыре предметные области (issue domains): 1) внутренняя политика; 2) социально-экономическая сфера; 3) внешняя политика; 4) мировоззренческие вопросы. Каждая из областей подвергается факторному анализу отдельно, в результате внутри них выделяются субизмерения.

Так, в ходе избирательной кампании 2021 г. из 186 вопросов, вызвавших поляризацию партийных позиций, 51 относился к внутриполитической сфере, 54 — к социально-экономической, 46 — к внешнеполитической, 42 — к мировоззренческой.

Во внутриполитическом домене факторный анализ выделил три противостояния (субизмерения):

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против всех остальных). Вопросы, вызвавшие наибольшую поляризацию, — использование властью административного ресурса на выборах, расшире-

[7] Материалы, на основе которых определяются партийные позиции по актуальным вопросам политической повестки, можно найти в базе данных «ПартАрхив» (http://www.partinform.ru/pa98). С 2015 г. мониторинг партийных позиций по этим вопросам ведется в ежедневном режиме с ежеквартальными замерами.

[8] Подробнее о методике см. Коргунюк 2013, 2017, 2019a, 2019b, 2023.

[9] Budge, Robertson, and Hearl (eds) 1987.

ние полномочий представительной власти, всенародное избрание глав местного самоуправления, отмена муниципального фильтра, практика многодневного голосования, ограничения на проведение митингов;

2) лоялисты против оппозиционеров («Родина», «Зеленые», «Гражданская платформа» и др. против Российской партии социальной справедливости[10], «Яблока» и КПРФ). Поляризующие вопросы — оценка политического режима в России как авторитарного, отношение к Владимиру Путину и его поправкам к Конституции;

3) особая позиция «Зеленой альтернативы» по ряду вопросов, в основном связанных с борьбой с коронавирусом.

[10] Далее — РПСС.

Первые два из этих субизмерений можно охарактеризовать как разновидности авторитарно-демократического противостояния, которое присутствовало в Западной Европе (особенно в южных ее регионах) на протяжении значительной части XX в., но утратило актуальность после развала «социалистического лагеря». Вместе с тем оно до сих пор широко распространено в постсоветских странах и Латинской Америке[11], а в последнее время дает о себе знать и в некоторых странах Центральной и Восточной Европы[12].

[11] Torcal and Mainwaring 2002; Stoll 2004: 32; Ахременко 2007.

[12] Sata and Karolewski 2020.

В социально-экономической сфере были выявлены три субизмерения:

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против остальных). Поляризующие вопросы — возвращение прежнего пенсионного возраста, отмена взносов на капремонт, отношение к «оптимизации» здравоохранения и образования, «мусорной» реформе, политике Центробанка и правительства и т.п.;

2) либералы («Новые люди», Партия роста, «Яблоко») против «Зеленой альтернативы». Поляризующие вопросы — «мусорная» реформа, распределение между гражданами природной ренты (безусловный базовый доход), перераспределение налогов в пользу регионов и муниципалитетов и некоторые другие (по большинству из них у «Зеленой альтернативы» позиция отсутствовала);

3) либералы и экологисты против социал-протекционистов (КПРФ, «Коммунисты России», «Справедливая Россия — Патриоты — За правду»[13], Российская партия пенсионеров за социальную справедливость[14]). Поляризующие вопросы — «мусорная» реформа, распределение природной ренты, преимущества частной собственности перед государственной, пересмотр итогов приватизации 1990-х годов.

[13] Далее — СРЗП.

[14] Далее — Партия пенсионеров.

Первое из этих субизмерений — вполне типичное для всех режимов противостояние власти и оппозиции (оппозиция всегда критикует правящую партию, особенно в вопросах социальной политики), второе связано скорее с выходом на сцену «Зеленой альтернативы», а вот третье можно квалифицировать как доминировавшее на европейской сцене на протяжении практически всей второй половины XX в. социально-экономическое противостояние по поводу «соотношения уровня нало-

говой нагрузки и социальных обязательств»[15] и измеряющееся шкалой «социальное обеспечение — налоги»[16].

[15] *Гайдар 2005: 635.*

[16] *Далтон 2004: 240.*

В области внешней политики были обнаружены три субизмерения:

1) «ястребы» против «голубей» (коммунисты и «патриоты» против «Яблока» при нейтралитете «Новых людей» и «Зеленой альтернативы»). Поляризующие вопросы — Крым, Украина, внешняя политика российского руководства, приоритет российского права над международным, малайзийский «Боинг» и др.;
2) авторитаристы против демократов (КПРФ, «Единая Россия», «Родина» против экологистов, РПСС и либералов). Поляризующие вопросы — закон о нежелательных организациях, события 2020 г. в Белоруссии и др.;
3) «Новые люди» против РПСС и СПЗП. Поляризующие вопросы — контроль над деятельностью иностранных соцсетей и IT-ресурсов, необходимость жесткого внешнеполитического курса, внешнеполитический поворот России на восток и др.

В мировоззренческой сфере были зафиксированы четыре субизмерения:

1) либералы («Яблоко») против консерваторов (коммунисты, «Родина», СПЗП). Поляризующие вопросы — защита традиционных ценностей, преследование за пропаганду ЛГБТ, отказ от ЕГЭ, патриотическое воспитание молодежи и пр.;
2) советские традиционалисты (КПРФ и «Коммунисты России») против прогрессистов (Партия роста, «Зеленые», «Новые люди»). Поляризующие вопросы — отношение ко Дню России (12 июня), преимущество частной собственности перед государственной, самобытный путь России, неприятие капитализма, Октябрьская революция;
3) «Новые люди» против «Родины», ЛДПР, «Зеленой альтернативы» и «Единой России». Поляризующие вопросы — ограничения, связанные с коронавирусом, самобытный путь России, госконтроль над просветительской деятельностью, отношение к Ельцину;
4) «Единая Россия» против РПСС и «Гражданской платформы» (расхождения по частным пунктам).

В свою очередь факторный анализ партийных позиций по всем 186 вопросам выявил четыре основных политических измерения, первое из которых сильнее всего коррелировало с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, второе — с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике и лоялистов и оппозиционеров в политике внутренней, третье — с противостоянием советских традиционалистов и прогрессистов в мировоззренческой области, четвертое — с противостоянием либералов и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и особой позицией «Зеленой альтернативы» по вопросам внутренней политики.

Но вернемся к электоральным размежеваниям, то есть факторам территориальных различий в партийном голосовании. Чтобы выяснить,

имеют ли они политическую интерпретацию, надо сравнить факторные нагрузки партий внутри электоральных размежеваний с их факторными нагрузками во всех выделенных ранее политических измерениях и субизмерениях.

Как будет показано ниже, согласно результатам корреляционного анализа первый из трех выявленных на думских выборах 2021 г. факторов территориальных различий в партийном голосовании наиболее тесно связан с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение), но также и с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, а заодно и со вторым основным политическим измерением, представляющим собой симбиоз внешнеполитического («ястребы»—«голуби») и авторитарно-демократического противостояний. Второй фактор в наибольшей степени связан с противостоянием либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере, но также и с противостоянием рыночников и социал-протекционистов. Третий фактор территориальных различий в партийном голосовании сильных корреляций с политическими измерениями и субизмерениями не имел и поэтому электоральным размежеванием признан быть не может.

Таким образом, мы видим, что первое электоральное размежевание политически интерпретируется как противостояние власти и оппозиции во внутриполитической и социально-экономической сферах. Следовательно, оно вряд ли является продуктом чистого накачивания результатов «Единой России» приписками и фальшивыми бюллетенями.

Конечно, не секрет, что выборы в сегодняшней России сопровождаются массовыми нарушениями и в стране существуют целые зоны тотальной фальсификации[17]. Сергей Шпилькин и Андроник Арутюнов оценили вбросы в пользу «Единой России» на думских выборах 2016 г. в 12 с небольшим миллионов голосов, а на выборах 2021 г. — примерно в 14 млн[18].

[17] Лукьянова и Порошин 2022.

[18] Шпилькин и Арутюнов 2022: 360, 364.

Но насколько эти вбросы, даже если оценки их масштаба верны, повлияли на структуру электоральных размежеваний? Несомненно, приписывание «Единой России» лишних голосов искажает связь между политическим и электоральным пространствами. Судя по всему, оно увеличивает коэффициент корреляции между факторными нагрузками «Единой России» по первому основному размежеванию в электоральном пространстве и властно-оппозиционными субизмерениями в пространстве политическом. Но оно не создает эту связь с нуля. Ведь в электоральном пространстве «Единая Россия» существует не в одиночестве. Вброс голосов меняет показатели «партии власти», но не остальных участников. Поэтому если вычесть из результатов «Единой России» вброшенные голоса, то коэффициенты корреляции между факторными нагрузками партий по тому или иному электоральному размежеванию и их факторными нагрузками в политических измерениях изменятся, но вряд ли обнулятся.

Однако как вычислить количество «неправедно нажитых» голосов? Здесь могут пригодиться предложенные нами ранее инструменты измерения электоральных размежеваний, а именно коэффициенты их максимального и эффективного ареалов[19]. Рассчитываются они следующим образом.

[19] *Коргунюк 2019b.*

Известны доли голосов, полученных партиями на выборах, а их факторные нагрузки указывают на степень вовлеченности партии в каждое из размежеваний. Если перемножить проценты голосов и факторные нагрузки партий по каждому из размежеваний, получится своего рода коэффициент их участия в данных размежеваниях. Эти значения будут иметь отрицательный либо положительный знак в зависимости от того, какую сторону противостояния занимает соответствующая партия.

Сложив все эти коэффициенты участия без учета знака, мы получим коэффициент *максимального ареала* электорального размежевания, указывающий на максимально возможное число охваченных размежеванием избирателей. Он вычисляется по формуле:

$$Mc = \sum_{p}^{n} |FL\mathbf{p}|,$$

где p — доля голосов, полученных каждой партией по пропорциональной системе; n — количество партий, участвовавших в выборах; $|FL\mathbf{p}|$ — модуль факторной нагрузки каждой партии по данному размежеванию.

Но этот коэффициент отражает именно *максимально* возможное число избирателей, втянутых в сферу данного размежевания. На практике оно ниже, и иногда значительно. Ведь если одна из сторон намного превосходит другую, о равной борьбе речи не идет. Скорее всего, состязание происходит на периферии ареала более сильного противника. Поэтому полезнее ориентироваться на слабейшую сторону, показатели которой сообщают, для какой части электората борьба была относительно конкурентной.

Отсюда возникает понятие *эффективного ареала* электорального размежевания, коэффициент которого рассчитывается путем удвоения ареала слабейшей стороны противостояния по формуле:

$$Ec = Mc_{min},$$

где Mc_{min} — максимальный ареал более слабой стороны размежевания.

Близость значений этих коэффициентов говорит о высоком уровне конкуренции, а их заметное расхождение — о низком. Так, на выборах президента США в 2016 г. максимальный и эффективный ареалы размежевания «Трамп против Клинтон» почти совпадали (оба более 90%)[20], тогда как на выборах президента РФ в 2018 г. аналогичное соотношение применительно к размежеванию «Путин против остальных» составляло 79 к 28[21].

[20] *Коргунюк 2020: 66.*

[21] *Коргунюк 2018: 45—46.*

Разумеется, было бы неверно утверждать, что преимущество Путина обеспечено исключительно вбросами. Сильное расхождение между максимальным и эффективным ареалами может объясняться и другими причинами. В частности, на первых президентских выборах в России (1991 г.) максимальный и эффективный ареалы электорального размежевания «Ельцин против остальных» соотносились как 78 к 45[22], хотя административный ресурс на этих выборах применялся не за, а против будущего главы РФ. Тем не менее коэффициенты максимального и эффективного ареалов различались более чем в полтора раза, и эта разница объясняется тем, что в глазах значительной части электората Ельцин был «кандидатом надежды».

[22] Коргунюк 2018: 49—50.

«Единая Россия» на выборах 2021 г. никаких надежд не олицетворяла. Значительная разница между максимальным и эффективным ареалами электорального размежевания «„Единая Россия“ против остальных» была обусловлена монополией «партии власти» в информационном пространстве и прямыми фальсификациями. Последние нас интересуют в первую очередь.

Как измерить степень их воздействия? Соответствующие математические методики предложены Шпилькиным[23], но мы использовали другую, основанную на разнице между максимальным и эффективным ареалами размежевания «„Единая Россия“ против остальных» на уровне отдельных субъектов Федерации. В качестве случаев выступали территориальные избирательные комиссии, действовавшие в муниципальных районах и городских округах. Поскольку в некоторых субъектах РФ таких ТИК слишком мало, при расчетах эти субъекты объединялись с ближайшими регионами: Ненецкий автономный округ — с Архангельской областью, Еврейская автономная область — с Амурской, Севастополь — с Крымом.

[23] Шпилькин и Арутюнов 2022.

Таким образом, расчеты проводились по 82 территориальным единицам. В 2021 г. зафиксированное в них число факторов территориальных различий в партийном голосовании колебалось от двух до шести[24]. В большинстве регионов присутствовало электоральное размежевание «„Единая Россия“ против остальных»; при этом иногда «партия власти» противостояла другим участникам не в одиночку, а в компании с кем-нибудь — чаще всего с ЛДПР, «Гражданской платформой» и, как ни странно, «Коммунистами России».

[24] Коргунюк 2023.

Максимальный и эффективный ареалы рассчитывались по двум моделям. Первую можно назвать щадящей. Если разница между коэффициентами максимального и эффективного ареалов электорального размежевания, связанного с противостоянием «Единой России» и других участников выборов, превышала 50%, из действительных бюллетеней и бюллетеней, отданных за «Единую Россию», вычиталось некоторое число голосов — оно рассчитывалось исходя из того, что значения этих коэффициентов указывают на проценты от суммы действительных и недействительных бюллетеней[25].

[25] Разумеется, эти расчеты весьма приблизительны, но в данном случае важнее, какое количество голосов отнимать у «Единой России» в каждом из регионов.

Если статистическая значимость коэффициента связи данного электорального размежевания с политическим (суб)измерением была выше 0,05, но ниже 0,1, из действительных бюллетеней и бюллетеней за «партию власти» вычитался процент голосов, выходящий за пределы разницы между максимальным и эффективным ареалами в 1,25 (предполагалось, что в этом случае «насилие» над структурой размежеваний было более серьезным.)

Вторая модель более жесткая: из действительных бюллетеней и бюллетеней, отданных за «Единую Россию», вычитались голоса, оказавшиеся «лишними» при разнице между максимальным и эффективным ареалами в 1,05[26].

[26] При разработке моделей мы руководствовались тем соображением, что разница между максимальным и эффективным ареалами существует в любом случае; 5% — это, конечно, немало, но и нулевым разрыв делать нельзя.

Результаты вычислений по думским выборам 2021 и 2016 гг. приведены ниже.

Выборы-2021

Как уже упоминалось, факторный анализ результатов голосования по партийным спискам на думских выборах 2021 г. выявил три фактора территориальных различий (см. *табл. 1*). Первый из них представлял собой размежевание между «Единой Россией» (факторная нагрузка — 0,96) и остальными участниками, прежде всего Партией пенсионеров (-0,887), «Новыми людьми» (-0,855), «Зеленой альтернативой» (-0,81), «Коммунистами России» (-0,784) и ЛДПР (-0,713). Второй заключался в противостоянии «старых» рыночных либералов («Яблоко» и Партия роста) коммунистам (КПРФ и «Коммунисты России»), третий — в конкуренции «Гражданской платформы» с «Родиной», СРЗП и ЛДПР.

Корреляционный анализ связей факторных нагрузок партий в электоральном и политическом пространствах показал, что первый фактор территориальных различий наиболее тесно (0,743) связан с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение), чуть меньше — с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере (0,626) и, наконец, со вторым основным политическим измерением (0,608), которое, повторим, представляло собой симбиоз внешнеполитического («ястребы»—«голуби») и авторитарно-демократического противостояний. Второй фактор сильнее всего был связан с противостоянием либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере (-0,751), но вместе с тем и с противостоянием рыночников и социал-протекционистов (-0,534). У третьего фактора статистически значимых связей с политическим пространством не обнаружено (см. *табл. 2*).

Что касается коэффициентов максимального и эффективного ареалов, то у первого электорального размежевания они составили 80,54 и 65,69, у второго — 20,55 и 20,11. Иными словами, даже у первого ЭР разница оказалась не очень велика, у второго же — вообще минимальна. Но это на федеральном уровне. Совсем другое дело — уровень региональный.

Таблица 1 **Факторы территориальных различий в голосовании за партии в 85 субъектах РФ на выборах 2021 г.**

Variable	*Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)*		
	Factor 1	*Factor 2*	*Factor 3*
Недействительные бюллетени	**-0,801**	0,210	0,027
КПРФ	-0,686	0,402	0,158
«Зеленые»	-0,629	-0,091	0,206
ЛДПР	**-0,713**	0,170	-0,251
«Новые люди»	**-0,855**	0,167	0,162
«Единая Россия»	**0,960**	-0,152	0,040
СПЗП	-0,571	-0,054	-0,325
«Яблоко»	-0,476	**-0,756**	-0,027
Партия роста	-0,300	**-0,815**	0,034
РПСС	-0,617	-0,318	0,100
«Коммунисты России»	**-0,784**	0,272	0,025
«Гражданская платформа»	0,019	-0,042	0,870
«Зеленая альтернатива»	**-0,810**	-0,351	0,060
«Родина»	-0,063	-0,147	-0,377
Партия пенсионеров	**-0,887**	0,128	-0,094
Expl.Var	6,757	1,871	1,189
Prp.Totl	45,04%	12,47%	7,92%

Таблица 2 **Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах 2021 г.**

Variable	*Marked correlations are significant at p < ,05000 N=14 (Casewise deletion of missing data)*		
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*
Политическое измерение — 2	**0,608**	0,396	-0,021
	p=0,021	p=0,161	p=0,944
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	**0,743**	-0,011	0,141
	p=0,002	p=0,971	p=0,631
Социально-экономическая сфера: власть—оппозиция	**0,626**	-0,208	0,256
	p=0,017	p=0,476	p=0,377
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	0,038	**-0,534**	0,381
	p=0,898	**p=0,049**	p=0,179
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	-0,044	**-0,751**	0,259
	p=0,881	**p=0,002**	p=0,372

Как видно из *табл. 3*, только в трех регионах — Карелии, Хакасии и Камчатском крае — не было ни одного электорального размежевания, где «Единая Россия» противостояла бы остальным участникам. В 22 регионах (включая Москву) разница между максимальным и эффективным ареалами этого электорального размежевания превышала 50%, еще в 40 — 5%. Самая большая доля лишних голосов в пользу «партии власти» вполне ожидаемо обнаружилась в республиках Северного Кавказа, Туве, Татарстане, Ямало-Ненецком АО, Кемеровской области.

Таблица 3 (Начало) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,05*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Чечня	85,84	4,45	19,27	СЭ-ВО	81,16	79,15
Дагестан	77,05	13,27	5,81	СЭ-ВО*	63,12	60,46
Тува	93,91	22,39	4,19	СЭ-ВО	70,39	60,32
Ингушетия	73,06	16,00	4,57	ПИ-2	56,26	49,06
Кабардино-Балкария	88,09	27,15	3,24	ВП-ВО	59,57	47,36
Карачаево-Черкесия	65,38	13,43	4,87	ВП-ВО	51,27	45,23
Татарстан	94,00	33,22	2,83	СЭ-ВО	59,11	44,16
Северная Осетия	57,66	9,74	5,92	Внеш-АД	47,43	43,04
Ямало-Ненецкий АО	80,38	29,58	2,72	ВП-ВО	49,32	36,01
Кемеровская обл.	77,39	29,59	2,62	ВП-ВО	46,32	33,00
Башкортостан	73,37	34,16	2,15	ВП-ВО	37,49	22,12
Адыгея	87,72	46,87	1,87	ВП-ВО	38,51	17,41
Ставропольский край	84,75	45,76	1,85	ВП-ВО	36,70	16,11
Краснодарский край	78,70	43,35	1,82	СЭ-ВО	33,18	13,68
Брянская обл.	85,75	48,34	1,77	ВП-ВО	35,00	13,24
Волгоградская обл.	70,41	38,63	1,82	ПИ-1	29,85	12,47
Мордовия	88,09	52,27	1,69	ВП-ВО	33,21	9,68
Крым + Севастополь	83,85	49,46	1,70	ВП-ВО	31,91	9,66
Тамбовская обл.	75,74	46,26	1,64	ВП-ВО	27,17	6,35
Москва	42,87	25,69	1,67	ПИ-2	15,90	4,34
Якутия	60,52	37,90	1,60	Внеш-АД	20,72	3,67
Саратовская обл.	78,71	51,63	1,52	ВП-ВО	24,50	1,27
Тульская обл.	82,97	64,73	1,28	ВП-ВО	15,00	-

Таблица 3 (Продолжение) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,05*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Воронежская обл.	90,70	72,89	1,24	ВП-ВО	14,16	-
Калужская обл.	52,42	36,74	1,43	СЭ-НЛ-Ло	13,85	-
Ростовская обл.	81,03	64,27	1,26	ВП-ВО	13,55	-
Пензенская обл.	93,13	76,11	1,22	ВП-ВО	13,22	-
Курганская обл.	48,37	34,87	1,39	ПИ-2	11,75	-
Тюменская обл.	84,96	70,89	1,20	ВП-ВО	10,53	-
Свердловская обл.	54,77	42,65	1,28	СЭ-ВО	9,99	-
Республика Коми	58,94	47,75	1,23	СЭ-НЛ-Ло	8,80	-
Курская обл.	57,51	47,19	1,22	ПИ-2	7,96	-
Марий Эл	51,46	41,47	1,24	Внеш-АД	7,92	-
Московская обл.	72,95	62,18	1,17	ВП-ВО	7,67	-
Республика Алтай	72,04	61,46	1,17	-	7,51	-
Нижегородская обл.	82,83	72,28	1,15	ВП-ВО	6,93	-
Пермский край	50,81	41,81	1,22	СЭ-НЛ-Ло	6,91	-
Вологодская обл.	37,47	29,24	1,28	Внеш-ЯГ	6,76	-
Ивановская обл.	52,14	43,72	1,19	МВ-НЛ-ЗА	6,23	-
Забайкальский край	54,90	46,36	1,18	СЭ-НЛ-Ло	6,23	-
Ульяновская обл.	85,21	75,57	1,13	ВП-ВО	5,86	-
Белгородская обл.	90,53	80,75	1,12	ВП-ВО	5,75	-
Костромская обл.	29,48	22,68	1,30	Внеш-АД	5,66	-
Магаданская обл.	89,45	79,80	1,12	СЭ-ВО	5,66	-
Омская обл.	70,99	63,01	1,13	СЭ-НЛ-Ло	4,82	-
Ленинградская обл.	77,56	69,84	1,11	СЭ-ВО	4,23	-
Приморский край	70,01	63,34	1,11	СЭ-НЛ-Ло	3,50	-
Новгородская обл.	59,08	52,95	1,12	ВП-ВО	3,49	-
Сахалинская обл.	71,57	65,04	1,10	ПИ-1	3,28	-
Челябинская обл.	44,91	39,80	1,13	Внеш-АД	3,12	-
Кировская обл.	31,91	28,09	1,14	ПИ-2	2,42	-
Мурманская обл.	65,53	60,11	1,09	СЭ-ВО	2,41	-
Липецкая обл.	87,13	81,13	1,07	ВП-ВО	1,95	-
Псковская обл.	67,32	62,33	1,08	ВП-ВО	1,87	-

Таблица 3 (Продолжение) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,05*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Красноярский край	53,53	49,33	1,09	МВ-НЛ-ЗА	1,73	-
Санкт-Петербург	61,27	56,79	1,08	ВП-ВО	1,64	-
Орловская обл.	70,51	65,77	1,07	СЭ-НЛ-Ло	1,46	-
Рязанская обл.	87,29	82,11	1,06	ВП-ВО	1,07	-
Тверская обл.	68,30	64,44	1,06	СЭ-НЛ-Ло	0,64	-
Иркутская обл.	51,06	48,19	1,06	ПИ-1	0,46	-
Удмуртия	74,19	70,24	1,06	ПИ-2	0,44	-
Оренбургская обл.	59,76	56,70	1,05	ПИ-2	0,23	-
Алтайский край	65,57	63,94	1,03	СЭ-ВО	-	-
Амурская обл. + ЕАО	75,35	72,68	1,04	ВП-ВО	-	-
Архангельская обл. + Ненецкий АО	60,78	58,90	1,03	ВП-ВО	-	-
Астраханская обл.	78,25	63,21	1,24	ВП-ВО	-	-
Бурятия	82,84	82,60	1,00	ВП-ВО	-	-
Владимирская обл.	76,91	74,98	1,03	СЭ-НЛ-Ло	-	-
Калининградская обл.	76,14	75,88	1,00	ВП-ВО	-	-
Калмыкия	78,61	76,95	1,02	СЭ-ВО	-	-
Новосибирская обл.	68,98	67,31	1,02	ПИ-2	-	-
Самарская обл.	87,39	86,41	1,01	ВП-ВО	-	-
Смоленская обл.	68,20	65,65	1,04	ПИ-2	-	-
Томская обл.	69,86	67,88	1,03	ПИ-2	-	-
Хабаровский край	37,16	35,93	1,03	СЭ-ВО	-	-
Ханты-Мансийский АО	79,99	79,54	1,01	ВП-ВО	-	-
Чувашия	73,52	71,85	1,02	ВП-ВО	-	-
Чукотка	87,67	83,86	1,05	ВП-ВО	-	-
Ярославская обл.	48,02	47,19	1,02	СЭ-ВО	-	-
Камчатский край	-	-	-	-	-	-
Карелия	-	-	-	-	-	-
Хакасия	-	-	-	-	-	-

* — статистическая значимость коэффициента корреляции >0,05, но <0,1

Таблица 3 (Окончание) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Расшифровка аббревиатур:
Мс — максимальный ареал электорального размежевания;
Ес — эффективный ареал электорального размежевания;
ВП-ВО — внутриполитическая сфера: власть—оппозиция;
Внеш-АД — внешнеполитическая сфера: авторитаристы—демократы;
Внеш-ЯГ — внешнеполитическая сфера: «ястребы»—«голуби»;
МВ-НЛ-ЗА — мировоззренческая сфера: «Новые люди» против «Зеленой альтернативы»;
ПИ-1 (2) — политическое измерение — 1 (2);
СЭ-ВО — социально-экономическая сфера: власть—оппозиция;
СЭ-НЛ-Ло — социально-экономическая сфера: «Новые люди» против лоялистов

После вычета лишних бюллетеней по первой модели «Единая Россия» потеряла более 5 млн голосов, по второй — более 10 млн. Второе значение ближе к рассчитанному Шпилькиным и Арутюновым, которые, напомним, оценили вбросы в пользу «партии власти» приблизительно в 14 млн голосов[27].

Явка снизилась с 51,72% (по данным ЦИК) до 46,69% по первой модели и 42,14% по второй, а голосование за «Единую Россию» с 49,68% (по данным ЦИК) до 44,58% по первой модели и 38,6% по второй[28]. При этом уже в первой модели корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» в регионах опустилась с 0,923 до 0,303, а во второй вообще обнулилась, что может свидетельствовать о достаточно высоком соответствии наших расчетов реальности (см. *табл. 4*).

После корректировки процентных показателей партий полученные значения вновь были подвергнуты факторному анализу, а затем посредством корреляционного анализа сопоставлены с факторными нагрузками партий в политическом пространстве. Результат подтвердил гипотезу: число факторов территориальных различий в партийном голосовании увеличилось с трех до пяти, но характер связей между электоральным и политическим пространствами изменился скорее количественно, нежели качественно. Только первые два фактора оказались связаны с политическими (суб)измерениями[29] (см. *табл. 5*), причем практически с теми же, что и до вычета голосов.

Так, у первого электорального размежевания сохранилась сильная корреляция со вторым основным политическим измерением и противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере; ослабла только связь с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, статистическая значимость которой преодолела

[27] Шпилькин и Арутюнов 2022: 364.

[28] У Шпилькина и Арутюнова очищенная от фальсификаций явка составила 38%, а результат ЕР — 33% (Там же).

[29] В первой модели четвертый фактор территориальных различий в партийном голосовании оказался связан с противостоянием рыночников и социал-протекционистов, но основными антагонистами там были СРЗП и условно рыночные «Зеленые». Так что скорее имели место попытки «справедливороссов» отнять голоса у маргиналов, по инерции придерживающихся прорыночных позиций.

Таблица 4 **Расчет явки и процентов голосов, полученных партиями на выборах 2021 г.**

	Данные ЦИК	*С вычетом лишних голосов по первой модели (порог >1,25—1,5)*	*С вычетом лишних голосов по второй модели (порог >1,05)*
Явка	51,72	46,69	42,14
Недействительные бюллетени	2,08	2,30	2,55
КПРФ	19,07	20,91	23,17
«Зеленые»	0,90	1,00	1,11
ЛДПР	7,53	8,34	9,24
«Новые люди»	5,32	5,87	6,51
«Единая Россия»	49,68	44,58	38,60
СРЗП	7,47	8,23	9,12
«Яблоко»	1,34	1,48	1,64
Партия роста	0,51	0,57	0,63
РПСС	0,77	0,85	0,94
«Коммунисты России»	1,28	1,40	1,55
«Гражданская платформа»	0,15	0,17	0,19
«Зеленая альтернатива»	0,63	0,70	0,78
«Родина»	0,77	0,88	0,98
Партия пенсионеров	2,47	2,71	3,00
Корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию»	0,923	0,303	-0,094

планку 0,05 (хотя и не достигла 0,1). Что интересно, связь первого ЭР с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение) уменьшилась в обеих моделях (во второй больше, чем в первой), зато связь со вторым основным политическим измерением, наоборот, усилилась. Напомним, что это политическое измерение было тесно связано с авторитарно-демократическими и внешнеполитическим («ястребы»—«голуби») противостояниями.

У второго электорального размежевания связь с противостоянием рыночников и социал-протекционистов в обеих моделях усилилась (во второй больше, чем в первой). Мало того, у него появилась выраженная корреляция с противостоянием авторитаристов и демократов во внешнеполитической сфере (и тоже более сильная во второй модели).

Таблица 5 Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах 2021 г. после вычета лишних голосов

Variable	*N=14 (Casewise deletion of missing data)*									
	Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,25—1,5)					*Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,05)*				
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*	*ЭР-1*	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*
Политическое измерение — 2	**-0,621**	0,306	0,220	-0,221	0,015	**-0,619**	-0,261	-0,453	0,109	0,078
	p=0,018	p=0,288	p=0,449	p=0,448	p=0,960	**p=0,018**	p=0,367	p=0,104	p=0,711	p=0,791
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	**-0,665**	-0,080	0,209	-0,397	-0,051	**-0,587**	0,147	-0,456	0,281	0,010
	p=0,009	p=0,785	p=0,472	p=0,160	p=0,862	**p=0,027**	p=0,617	p=0,101	p=0,331	p=0,974
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	-0,009	**-0,634**	-0,069	**-0,576**	-0,089	0,036	**0,686**	-0,096	0,516	-0,029
	p=0,976	**p=0,015**	p=0,816	**p=0,031**	p=0,763	p=0,902	**p=0,007**	p=0,745	p=0,059	p=0,921
Внешнеполитическая сфера: авторитаристы—демократы	-0,368	**0,634**	0,195	0,338	0,265	-0,372	**-0,661**	-0,048	-0,320	0,273
	p=0,196	**p=0,015**	p=0,504	p=0,237	p=0,359	p=0,191	**p=0,010**	p=0,870	p=0,265	p=0,346
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	0,115	**-0,678**	-0,130	-0,112	-0,102	0,177	**0,673**	0,164	0,142	-0,134
	p=0,695	**p=0,008**	p=0,658	p=0,702	p=0,729	p=0,546	**p=0,008**	p=0,575	p=0,629	p=0,648

Из этого следует, что вбрасывание голосов «Единой России» несколько выпячивает роль противостояния власти и оппозиции во внутриполитической и особенно социально-экономической сфере, одновременно приглушая противостояние рыночников и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и авторитаристов и демократов в сфере внешнеполитической. Однако это не меняет иерархию электоральных размежеваний. Что и требовалось доказать.

Конечно, вычищение из результатов «Единой России» лишних голосов не может не влиять на максимальный и эффективный ареалы электоральных размежеваний. Так, максимальный ареал первого ЭР снизился с 80,56 до 67,3 по первой модели и до 53,34 по второй, а эффективный — с 65,7 до 52,63 и 41,65 соответственно.

Зато показатели второго ЭР немного выросли: максимальный ареал — с 20,57 до 25,63 (первая модель) и до 30,48 (вторая модель), эффективный — с 20,14 до 23,76 и 28,26.

Следует опять же оговориться, что эти показатели не претендуют на особую точность и больше важны для сравнительных целей.

Выборы-2016

Теперь посмотрим на результаты выборов 2016 г. В них тоже принимали участие 14 партий, но в несколько другом составе: еще не было «Новых людей», «Зеленой альтернативы» и РПСС, зато были Партия народной свободы (ПАРНАС), «Гражданская сила» и самостоятельно выступавшие «Патриоты России».

Факторный анализ результатов партий в субъектах Федерации выявил четыре фактора[30] (см. *табл. 6*). Первый из них, как и во всех других отечественных электоральных кампаниях XXI столетия, представлял собой противостояние «Единой России» и остальных участников выборов. Второй заключался в противостоянии рыночников (Партия роста, «Яблоко», «Гражданская сила», ПАРНАС) и социал-патерналистов («Коммунисты России», КПРФ, ЛДПР). Третий сводился к соревнованию между «Патриотами России» и «Справедливой Россией». Четвертый противопоставлял «Патриотов России» «Яблоку» и ПАРНАСу.

[30] Это несколько расходится с данными, приведенными в Коргунюк 2017, где было выделено три фактора. Причина проста: в качестве случаев там выступали не субъекты РФ, а одномандатные округа, которых насчитывалось не 85, а 225. Увеличение числа случаев привело к сокращению числа факторов территориальных различий в партийном голосовании (достаточно частое явление).

Корреляция факторных нагрузок партий в электоральном и политическом пространствах (см. *табл. 7*) подтвердила эти наблюдения. Первое ЭР в наибольшей степени было связано с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение) и вторым основным политическим измерением, главными компонентами которого в 2016 г. были противостояния «ястребов» и «голубей» во внешнеполитических вопросах и либералов и лоялистов во внутриполитической и социально-экономической сферах.

Второе электоральное размежевание наиболее тесно коррелировало с противостоянием рыночников и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере. Третий и четвертый факторы территориальных раз-

Таблица 6 Факторы территориальных различий в голосовании за партии в 85 субъектах РФ на выборах 2016 г.

Variable	*Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)*			
	Factor 1	*Factor 2*	*Factor 3*	*Factor 4*
Недействительные бюллетени	0,689	0,234	0,166	0,202
«Родина»	0,398	-0,305	0,348	-0,080
«Коммунисты России»	0,441	0,601	0,073	-0,086
Партия пенсионеров	**0,846**	0,211	-0,111	0,019
«Единая Россия»	**-0,923**	-0,309	-0,038	-0,001
«Зеленые»	**0,846**	-0,243	0,060	-0,043
«Гражданская платформа»	0,481	0,014	-0,365	0,387
ЛДПР	**0,737**	0,456	-0,006	0,049
ПАРНАС	**0,832**	-0,338	0,045	-0,307
Партия роста	0,587	-0,545	-0,012	-0,144
«Гражданская сила»	0,442	-0,461	0,007	0,503
«Яблоко»	0,685	-0,486	-0,014	-0,316
КПРФ	0,430	0,528	0,263	-0,236
«Патриоты России»	0,010	-0,092	**0,749**	0,500
«Справедливая Россия»	0,488	0,014	-0,494	0,325
Expl.Var	6,007	2,065	1,181	1,088
Prp.Totl	0,400	0,138	0,079	0,073

личий в партийном голосовании выраженных связей с политическими (суб)измерениями не имели.

Разница между максимальным и эффективным ареалами первого ЭР приближалась к 50% — 75,08 против 50,11, что значительно больше, чем в 2021 г. Правда, это, скорее всего, объясняется не столько электоральными фальсификациями, сколько эффектом «крымской весны», давшим определенную премию государственникам некоммунистического толка — «партии власти» и ЛДПР.

Что касается регионального уровня, то только в двух субъектах Федерации — Карелии и Костромской области — не было ни одного фактора территориальных различий в партийном голосовании, заключавшегося в противостоянии «Единой России» и остальных участников

Таблица 7 Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах 2016 г.

Variable	*Marked correlations are significant at p < ,05000 N=14 (Casewise deletion of missing data)*			
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*
Политическое измерение — 1	0,161	**-0,551**	-0,122	-0,526
	p=0,582	**p=0,041**	p=0,677	p=0,053
Политическое измерение — 2	**-0,620**	0,440	0,109	0,283
	p=0,018	p=0,115	p=0,710	p=0,326
Политическое измерение — 3	0,200	**0,572**	0,221	-0,180
	p=0,494	**p=0,033**	p=0,449	p=0,537
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	**-0,589**	-0,167	-0,140	-0,199
	p=0,027	p=0,567	p=0,632	p=0,495
Социально-экономическая сфера: власть—оппозиция	-0,374	**-0,577**	-0,180	-0,277
	p=0,188	**p=0,031**	p=0,538	p=0,337
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	0,242	**-0,802**	-0,236	-0,179
	p=0,404	**p=0,001**	p=0,416	p=0,539
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	0,088	**-0,688**	-0,336	0,059
	p=0,765	**p=0,007**	p=0,241	p=0,841

выборов. В Хакасии такое противостояние присутствовало, но не имело политической интерпретации. Количество регионов, где разница между максимальным и эффективным ареалами этого ЭР превышала 50%, было в полтора раза больше, чем в 2021 г., — 32. Еще в 42 эта разница превышала 5% (см. *табл. 8*).

Как видим, согласно избранной методике расчета, лишних голосов в 2016 г. получилось больше, чем в 2021-м. После очистки «Единая Россия» потеряла свыше 6,1 млн голосов по первой модели и более 12,5 млн по второй, что даже превосходит заключения Шпилькина и Арутюнова (12,139 млн аномальных голосов[31]). Но не будем забывать об эффекте «крымской весны», который мог дать «Единой России» эту премию и «естественным» образом. Как уже отмечалось, разница между максимальным и эффективным ареалами может объясняться не только электоральными фальсификациями, но и спецификой избирательной кампании.

[31] *Шпилькин и Арутюнов 2022: 360.*

Явка снизилась с 47,88% (по данным ЦИК) до 42,27% по первой модели и 36,31% по второй, а голосование за «Единую Россию» —

Таблица 8 (Начало) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2016 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,05*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Чечня	97,72	5,20	18,80	ВП-ВО	92,26	91,22
Дагестан	72,64	8,62	8,43	ПИ-2	63,59	59,71
Татарстан	88,76	20,79	4,27	ВП-ВО	66,93	57,58
Мордовия	94,24	25,99	3,63	ВП-ВО	66,95	55,26
Тува	91,76	24,58	3,73	ВП-ВО	65,94	54,88
Карачаево-Черкесия	77,69	19,18	4,05	СЭ-ВО	57,56	48,93
Северная Осетия	64,91	10,68	6,08	ПИ-2	53,70	48,89
Ингушетия	82,60	24,88	3,32	ВП-ВО	56,48	45,28
Кабардино-Балкария	76,98	24,13	3,19	ПИ-3	51,64	40,78
Кемеровская обл.	63,05	18,08	3,49	ВП-ВО	44,07	35,94
Калмыкия	85,87	39,66	2,16	ВП-ВО	44,22	26,37
Тамбовская обл.	87,23	50,37	1,73	ВП-ВО	34,34	24,27
Саратовская обл.	79,10	38,31	2,06	ВП-ВО	38,88	21,64
Томская обл.	61,64	32,10	1,92	ПИ-2*	27,94	21,52
Башкортостан	62,14	27,80	2,24	ВП-ЛиЛо	32,95	20,44
Крым + Севастополь	90,48	47,14	1,92	ПИ-3	40,99	19,78
ЯНАО	81	41	2	ВП-ВО	38,00	19,45
Удмуртия	66,07	42,09	1,57	ВП-ВО*	21,87	13,45
Смоленская обл.	47,05	24,71	1,90	ПИ-2	21,11	9,99
Ставропольский край	75,07	52,45	1,43	ВП-ВО*	20,00	9,51
Якутия	52	29	2	ВП-СП-Ли	21,94	9,11
Новосибирская обл.	75,78	53,98	1,40	ПИ-2*	19,11	8,31
Брянская обл.	85,31	51,56	1,65	ВП-ВО	31,17	7,96
Нижегородская обл.	76,05	46,07	1,65	ВП-ВО	27,67	6,93
Пермский край	47,40	27,51	1,72	ПИ-2	18,51	6,13
Санкт-Петербург	55,31	33,86	1,63	ПИ-2	19,75	4,51
Марий Эл	65,69	40,96	1,60	ВП-ВО	22,68	4,25
Владимирская обл.	68,67	43,12	1,59	ПИ-2	23,39	3,99
Республика Коми	48,14	29,59	1,63	ПИ-2	17,07	3,76
Пензенская обл.	92,80	59,73	1,55	ВП-ВО	30,08	3,20
Адыгея	83,58	54,03	1,55	ВП-ВО	26,85	2,53

Таблица 8 (Продолжение) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2016 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,05*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Калужская обл.	56,95	36,96	1,54	ПИ-2	18,14	1,51
Волгоградская обл.	64,61	42,95	1,50	ПИ-2	19,51	-
Ростовская обл.	81,26	54,86	1,48	ВП-ВО	23,66	-
Воронежская обл.	86,84	60,30	1,44	ВП-ВО	23,52	-
Чукотка	84,65	58,47	1,45	ВП-ВО	23,26	-
Ярославская обл.	73,28	49,42	1,48	ПИ-2	21,39	-
Тульская обл.	79,08	55,82	1,42	ПИ-2	20,47	-
Мурманская обл.	69,81	47,87	1,46	ВП-ВО	19,54	-
Курская обл.	75,75	55,03	1,38	ВП-ВО	17,96	-
Новгородская обл.	66,60	47,17	1,41	СЭ-ВлЛиОп	17,08	-
Тюменская обл.	75,09	55,38	1,36	ВП-ВО	16,94	-
Псковская обл.	58,38	40,09	1,46	ВП-ВО	16,28	-
Архангельская + НАО	54,63	36,81	1,48	ПИ-2	15,98	-
Москва	67,90	49,62	1,37	СЭ-ВлЛиОп	15,79	-
Рязанская обл.	84,55	65,58	1,29	ВП-ВО	15,68	-
Московская обл.	51,80	34,55	1,50	ПИ-2	15,52	-
Курганская обл.	57,10	39,62	1,44	ПИ-2	15,51	-
Липецкая обл.	91,47	72,40	1,26	ВП-ВО	15,45	-
Челябинская обл.	54,67	37,45	1,46	ПИ-2	15,35	-
Орловская обл.	72,62	54,56	1,33	ВП-ВО	15,34	-
Вологодская обл.	53,09	36,02	1,47	ПИ-2	15,27	-
Кировская обл.	53,21	36,14	1,47	ПИ-2	15,26	-
Сахалинская обл.	59,02	42,02	1,40	ВП-ВО	14,90	-
Камчатская обл.	60,17	43,84	1,37	ВП-ЛиЛо	14,14	-
Ленинградская обл.	61,31	45,15	1,36	ВП-ВО	13,90	-
Оренбургская обл.	48,76	34,22	1,42	ПИ-2	12,82	-
Белгородская обл.	87,70	71,74	1,22	ВП-ВО	12,37	-
Республика Алтай	81,02	66,02	1,23	ВП-СП-Ли*	11,69	-
Чувашия	83,03	68,28	1,22	ВП-ВО	11,34	-
Калининградская обл.	60,12	46,84	1,28	ВП-ВО	10,94	-
Самарская обл.	83,36	69,45	1,20	ВП-ВО	10,44	-

Таблица 8 (Окончание) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2016 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,05*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Астраханская обл.	58,38	47,02	1,24	СЭ-ВО	9,00	-
Бурятия	68,30	56,75	1,20	ВП-ВО*	8,71	-
Краснодарский край	74,59	62,95	1,18	СЭ-ВО	8,49	-
Свердловская обл.	44,36	34,47	1,29	ПИ-2	8,16	-
ХМАО	77,15	66,89	1,15	ВП-ВО	6,92	-
Омская обл.	68,49	59,59	1,15	ПИ-2*	5,93	-
Тверская обл.	73,34	65,05	1,13	ВП-ВО	5,04	-
Магаданская обл.	54,01	49,27	1,10	ВП-ВО	2,28	-
Ивановская обл.	69,16	63,81	1,08	ВП-ВО	2,16	-
Красноярский край	58,11	53,34	1,09	СЭ-ВО	2,10	-
Ульяновская обл.	85,52	79,74	1,07	ВП-ВО	1,80	-
Иркутская обл.	52,48	48,53	1,08	СЭ-ВО	1,53	-
Амурская обл. + ЕАО	57,01	54,28	1,05	ПИ-2	-	-
Приморский край	60,43	59,06	1,02	СЭ-ВО	-	-
Хабаровский край	58,42	56,63	1,03	ПИ-3	-	-
Алтайский край	49,74	49,12	1,01	ПИ-3	-	-
Забайкальский край	73,35	70,08	1,05	СЭ-ВО	-	-
Хакасия	58,09	54,69	1,06	-	-	-
Карелия	-	-	-	-	-	-
Костромская обл.	-	-	-	-	-	-

* — статистическая значимость коэффициента корреляции >0,05, но <0,1

Расшифровка аббревиатур:

Мс — максимальный ареал электорального размежевания;

Ес — эффективный ареал электорального размежевания;

ПИ-2 (3) — политическое измерение — 2 (3);

ВП-ВО — внутриполитическая сфера: власть—оппозиция;

ВП-Ли-Ло — внутриполитическая сфера: либералы—лоялисты

ВП-СП-Ли — внутриполитическая сфера: социал-протекционисты—либералы

СЭ-ВО — социально-экономическая сфера: власть—оппозиция;

СЭ-ВлЛиОп — социально-экономическая сфера: власть — либеральная оппозиция

с 52,2% (по данным ЦИК) до 48,18% по первой модели и 39,69% по второй. В первой модели корреляция между явкой в регионах и голосованием за «Единую Россию» уменьшилась с 0,889 до 0,413, во второй — до 0,299 (см. *табл. 9*). То, что эта корреляция не обнулилась, тоже может свидетельствовать в пользу предположения, что на этих выборах «партия власти» пользовалась плодами «крымской весны» и многие избиратели специально пошли на выборы, чтобы выразить поддержку внешней политике Путина.

Таблица 9 **Расчет явки и процентов голосов, полученных партиями на выборах 2016 г.**

	Данные ЦИК	*С вычетом лишних голосов по первой модели (порог >1,25—1,5)*	*С вычетом лишних голосов по второй модели (порог >1,05)*
Явка	47,82	42,27	36,31
Недействительные бюллетени	1,87	2,11	2,46
«Родина»	1,51	1,7	1,98
«Коммунисты России»	2,27	2,56	2,98
Партия пенсионеров	1,73	1,96	2,28
«Единая Россия»	54,2	48,18	39,69
«Зеленые»	0,76	0,86	1
«Гражданская платформа»	0,22	0,25	0,29
ЛДПР	13,14	14,87	17,31
ПАРНАС	0,73	0,83	0,96
Партия роста	1,29	1,46	1,7
«Гражданская сила»	0,14	0,16	0,19
«Яблоко»	1,99	2,26	2,63
КПРФ	13,34	15,09	17,56
«Патриоты России	0,59	0,67	0,78
«Справедливая Россия»	6,22	7,04	8,19
Корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию»	0,889	0,413	0,299

Скорректированные результаты вновь были подвергнуты факторному анализу и сравнены с факторными нагрузками партий в политическом пространстве. Как и в случае 2021 г., число факторов территори-

альных различий в партийном голосовании увеличилось до пяти. Но на этот раз корреляции со статистической значимостью меньше 0,05 имели четыре фактора территориальных различий в партийном голосовании (см. *табл. 10*).

У первого электорального размежевания ослабла связь с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере, зато усилилась корреляция со вторым основным политическим измерением, содержавшим заметную авторитарно-демократическую составляющую. Кроме того, у него появилась корреляция с противостоянием социал-протекционистов и либералов во внутриполитических вопросах, а также с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике. Роль второго электорального размежевания в обеих моделях перешла к четвертому, внутри которого несколько перераспределились акценты: наиболее значимым в его структуре стало противостояние власти и оппозиции в социально-экономической сфере и одновременно существенно выросла связь с первым основным политическим измерением, ведущим компонентом которого являлось противостояние «ястребов» и «голубей».

Корреляции с политическим пространством возникли и у второго и третьего факторов территориальных различий в партийном голосовании: у второго это была связь с особым местом ЛДПР во внутриполитических вопросах, у третьего — с противостоянием либералов и лоялистов в той же внутриполитической сфере. Причем по мере отъема голосов у «Единой России» значения этих коэффициентов росли.

Естественно, что снижение процента голосов у «партии власти» сопровождалось снижением максимального и эффективного ареалов у первого электорального размежевания и ростом у остальных.

Другими словами, как и в 2021 г., очистка «Единой России» от лишних голосов обнажила более сложную структуру электоральных размежеваний, тем не менее это было именно усложнение, а не изменение иерархии. Ослаб и размылся авторитарно-демократический компонент первого ЭР, усилилась внешнеполитическая составляющая второго фактора территориальных различий (условно «второго», поскольку на самом деле он стал четвертым), но принципиально их соотношение не изменилось.

Заключение

Гипотеза, согласно которой вброс (приписывание) голосов в пользу «партии власти» на выборах в Госдуму по пропорциональной системе искажает структуру электоральных размежеваний в деталях, но не принципиально, получила экспериментальное подтверждение.

Эксперимент состоял в следующем. В тех регионах, где «Единой России» предположительно добавляли лишние голоса, из ее результатов, а также из суммы действительных и недействительных бюллетеней вычиталось определенное количество голосов. Это количество высчитывалось исходя из разницы между максимальным и эффективным аре-

Таблица 10 Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах в 2016 г. после вычета лишних голосов

Variable	*N=14 (Casewise deletion of missing data)*									
	Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,25—1,5)					*Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,05)*				
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*	*ЭР-1*	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*
Политическое измерение — 1	0,422	-0,111	0,279	**-0,693**	0,351	-0,448	-0,125	0,322	**-0,708**	0,122
	p=0,133	p=0,705	p=0,334	**p=0,006**	p=0,219	p=0,109	p=0,670	p=0,262	**p=0,005**	p=0,678
Политическое измерение — 2	**-0,754**	0,009	-0,387	0,292	-0,061	**0,750**	-0,015	-0,446	0,213	-0,027
	p=0,002	p=0,975	p=0,172	p=0,311	p=0,837	**p=0,002**	p=0,959	p=0,110	p=0,465	p=0,928
Политическое измерение — 3	0,049	-0,399	0,338	**0,542**	-0,035	0,015	-0,347	0,378	0,416	-0,385
	p=0,868	p=0,157	p=0,237	**p=0,045**	p=0,905	p=0,958	p=0,224	p=0,182	p=0,139	p=0,174
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	-0,373	-0,208	-0,234	**-0,583**	0,208	0,327	-0,267	-0,247	**-0,571**	0,313
	p=0,190	p=0,475	p=0,420	**p=0,029**	p=0,476	p=0,254	p=0,357	p=0,395	**p=0,033**	p=0,276
Внутриполитическая сфера: либералы—лоялисты	0,469	-0,397	**0,561**	-0,078	0,047	-0,436	-0,357	**0,635**	-0,061	-0,087
	p=0,091	p=0,160	**p=0,037**	p=0,792	p=0,872	p=0,119	p=0,211	**p=0,015**	p=0,836	p=0,766
Внутриполитическая сфера: социал-протекционисты—либералы	**0,643**	0,011	-0,071	-0,400	0,257	**-0,668**	-0,018	-0,052	-0,422	0,061
	p=0,013	p=0,972	p=0,808	p=0,157	p=0,375	**p=0,009**	p=0,951	p=0,859	p=0,133	p=0,836
Внутриполитическая сфера: особое место ЛДПР	0,091	**-0,619**	-0,257	0,232	0,161	-0,068	**-0,641**	-0,233	0,077	-0,234
	p=0,758	**p=0,018**	p=0,375	p=0,425	p=0,583	p=0,818	**p=0,013**	p=0,423	p=0,793	p=0,420
Социально-экономическое суб-измерение: власть—оппозиция	-0,148	0,139	-0,060	**-0,781**	0,340	0,094	0,089	-0,070	**-0,799**	0,254
	p=0,614	p=0,636	p=0,838	**p=0,001**	p=0,235	p=0,751	p=0,764	p=0,813	**p=0,001**	p=0,380
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	0,476	0,252	0,105	**-0,715**	0,076	-0,526	0,232	0,119	**-0,541**	0,370
	p=0,085	p=0,384	p=0,720	**p=0,004**	p=0,797	p=0,053	p=0,426	p=0,685	**p=0,046**	p=0,193
Внешнеполитическая сфера: «ястребы»—«голуби»	**0,555**	-0,112	0,327	**-0,548**	0,334	**-0,569**	-0,112	0,377	**-0,584**	0,021
	p=0,040	p=0,704	p=0,253	**p=0,042**	p=0,243	**p=0,034**	p=0,702	p=0,184	**p=0,028**	p=0,943
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	0,304	0,338	-0,111	**-0,637**	0,057	-0,354	0,306	-0,103	-0,488	0,319
	p=0,290	p=0,237	p=0,707	**p=0,014**	p=0,846	p=0,215	p=0,288	p=0,727	p=0,076	p=0,267

алами электорального размежевания, заключавшегося в противостоянии «партии власти» и остальных участников выборов. В ходе подсчета были использованы две модели: в первой порогом для вычитания являлась полуторная разница между максимальным и эффективным ареалами (1,25 при p-level коэффициента корреляции между факторными нагрузками партий в электоральном и политическом пространстве больше 0,05, но меньше 0,1), во второй — разница в 5%.

В случае выборов 2021 г. первая модель отняла у «Единой России» свыше 5 млн голосов, вторая — свыше 10 млн. В обеих моделях число факторов территориальных различий в партийном голосовании увеличилось с трех до пяти, однако политически интерпретируемыми остались только первые два, признанные электоральными размежеваниями.

У первого из размежеваний снизились максимальный и эффективный ареалы и несколько ослабла связь с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической и социально-экономической сферах, однако усилилась корреляция со вторым основным политическим измерением, тоже содержащим заметный авторитарно-демократический компонент. У второго ЭР, наоборот, увеличились максимальный и эффективный ареалы и усилилась связь с противостоянием рыночников и социал-протекционистов, а также появилась выраженная корреляция с противостоянием авторитаристов и демократов во внешнеполитической сфере.

Иначе говоря, вбрасывание голосов «Единой России» повысило роль противостояния власти и оппозиции во внутриполитической и социально-экономической сферах, одновременно приглушив противостояние рыночников и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и авторитаристов и демократов во внешней политике.

Применительно к выборам 2016 г. первая модель отняла у «Единой России» более 6,1 млн голосов, вторая — более 12,5 млн. Число факторов территориальных различий в партийном голосовании в обеих моделях увеличилось с четырех до пяти, при этом с двух до четырех выросло и количество электоральных размежеваний, имевших политическую интерпретацию.

У первого ЭР, максимальный и электоральный ареалы которого несколько снизились, ослабла связь с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере, но значительно возросла корреляция со вторым основным политическим измерением, содержавшим заметную авторитарно-демократическую составляющую. Кроме того, у него возникла корреляция с противостоянием социал-протекционистов и либералов во внутриполитических вопросах, а также с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике.

Место второго ЭР в обеих моделях перешло к четвертому: его максимальный и эффективный ареалы практически сохранили прежние значения, но в его политическом содержании выросла роль противостояния власти и оппозиции в социально-экономической сфере. Вместе с тем существенно укрепилась связь этого размежевания с первым ос-

новным политическим измерением, базирующемся на противостоянии «ястребов» и «голубей».

Второй и третий факторы территориальных различий в партийном голосовании тоже обрели политическую интерпретацию: второй оказался связан с особым местом ЛДПР, третий — с противостоянием либералов и лоялистов (и там и там во внутриполитической сфере). При этом увеличение количества отнятых у «Единой России» голосов сопровождалось ростом значений коэффициентов корреляции.

Таким образом, можно констатировать, что вброс голосов в пользу «партии власти» искусственно выпячивает роль авторитарно-демократического противостояния, затушевывая остальные (в 2016 и 2021 гг. они совпадали лишь частично). Но структура электоральных размежеваний принципиально не меняется — искажение не влечет ее кардинального изменения и уж тем более не отменяет совсем. Во всяком случае, эта структура хорошо прощупывается с помощью математических методов, прежде всего факторного анализа.

Библиография

Ахременко А.С. (2007) *Структура электорального пространства*. М.: Социально-политическая мысль.

Гайдар Е.Т. (2005) *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. М.: Дело.

Далтон Р. (2004) «Структура политических связей» // *Политическая наука*, № 4: 235—241.

Коргунюк Ю.Г. (2013) «Концепция размежеваний и факторный анализ» // *Полития*, № 3 (70): 31—61. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf (проверено 24.10.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2017) «Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения» // *Политическая наука*, № 1: 90—119.

Коргунюк Ю.Г. (2018) «Президентские выборы в постсоветской России через призму концепции размежеваний» // *Полития*, № 4 (91): 32—69. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-4(91)-32-69.pdf (проверено 24.10.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2019a) «Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения» // *Полис. Политические исследования*, № 6: 95—112. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyuk.pdf (проверено 24.10.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2019b) «Новые инструменты измерения электоральных размежеваний: от макро- к микроуровню» // *Электоральная политика*, № 1. URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/ (проверено 16.09.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2020) «Президентская кампания 2016 г.: электоральные размежевания, их политическая интерпретация и социальный бэкграунд» // Кузнецов А.В., ред. *Феномен Трампа*. М.: ИНИОН РАН: 50—67.

Коргунюк Ю.Г. (2023) «Структура электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2021 года» // *Электоральная политика*, № 1 (9). URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/struktura-elektoralnykh-razmezhevanii-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda/ (проверено 16.09.2023).

Лукьянова Е. и Е.Порошин, ред. (2022) *Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами и что с этим делать: Политико-правовое исследование с элементами математики*. М.: Мысль.

Мелешкина Е.Ю. (2004) «Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности» // *Политическая наука*, № 4: 11—29.

Шпилькин С. и А.Арутюнов. (2022) «Математические методы фиксации способов достижения целей и задач авторитарной власти» // Лукьянова Е. и Е.Порошин, ред. *Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами и что с этим делать: Политико-правовое исследование с элементами математики*. М.: Мысль: 341—364.

Albright J.J. (2010) «The Multidimensional Nature of Party Competition» // *Party Politics,* vol. 16, no. 6: 699—719.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Huber J. and R.Inglehart. (1995) «Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies» // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Lachat R. (2018) «Which Way from Left to Right? On the Relation between Voters' Issue Preferences and Left—Right Orientation in West European Democracies» // *International Political Science Review*, vol. 39, no. 4: 419—435.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: The Free Press; London: Collier-MacMillan: 1—64.

Rovny J. and J.Polk. (2019) «New Wine in Old Bottles: Explaining the Dimensional Structure of European Party Systems» // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 12—24.

Rovny J. and S.Whitefield. (2019) «Issue Dimensionality and Party Competition in Turbulent Times» // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 4—11.

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) «Caesarean Politics in Hungary and Poland» // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Stoll H. (2004) *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf (accessed on 3.09.2023).

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) «The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95» // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.

Yu.G.Korgunyuk

CLEAVAGES STRUCTURE AND DISTORTION OF THE ELECTORAL SPACE

Yury G. Korgunyuk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department at the Institute of Scientific Information on Social Science of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). E-mail: partinform@mail.ru.

Abstract. The article presents the results of testing the hypothesis, according to which ballot stuffing in favor of the "party in power", while causing minor distortions to the structure of electoral cleavages, does not fundamentally change it. The author tested the hypothesis on the data from the 2016 and 2021 elections to the State Duma of the Russian Federation held via proportional system rules. He used the following method: in the regions where ballot stuffing was allegedly used in favor of the United Russia party, a certain number of votes were subtracted from the United Russia electoral results in accordance with the difference between the maximum and effective ranges of the electoral cleavage related to the confrontation between of the United Russia and the rest of elections' participants. The author employed two models to run calculations: in the first model the threshold for deduction was a difference of 50% between the maximum and effective range, in the second model the difference was 5%.

For 2016 elections, the first model took away more than 6.1 million votes from the United Russia, the second model subtracted more than 12.5 million votes; for 2021 elections — more than 5 and more than 10 million votes, respectively. Nevertheless, there was no radical change in the structure of electoral cleavages, let alone its elimination. The study showed that although ballot stuffing in favor of the "party in power" artificially overemphasizes the role of the authoritarian-democratic confrontation, sidelining other confrontations, the structure of electoral cleavages per se is largely preserved. Mathematical methods, especially factor analysis, can be efficiently used to detect this structure.

Keywords: elections according to the proportional system, political parties, electoral cleavages, political dimensions, electoral fraud

References

Akhremenko A.S. (2007) *Struktura elektoral'nogo prostranstva* [The Structure of the Electoral Space]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaja mysl'. (In Russ.)

Albright J.J. (2010) "The Multidimensional Nature of Party Competition" // *Party Politics,* vol. 16, no. 6: 699—719.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dalton R. (2004) "Struktura politicheskikh svjazej" [The Structure of Political Alignments] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (Ru)], no. 4: 235—241. (In Russ.)

Gaidar E.T. (2005) *Dolgoe vremja. Rossija v mire: ocherki ekonomicheskoj istorii* [Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History]. Moscow: Delo. (In Russ.)

Huber J. and R.Inglehart. (1995) "Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies" // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Korgunyuk Yu.G. (2013) "Kontseptsija razmezhevanij i faktornyj analiz" [Concept of Cleavages and Factor Analysis] // *Politeia*, no. 3 (70): 31—51. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf (accessed on 24.10.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2017) "Vybory po proportsional'noj sisteme kak massovyj opros obshchestvennogo mnenija" [Elections by a Proportional System as a Mass Public Opinion Poll] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (Ru)], no. 1: 90—119. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2018) "Prezidentskie vybory v postsovetskoj Rossii cherez prizmu kontseptsii razmezhevanij" [Presidential Elections in Post-Soviet Russia through Lenses of Cleavage Theory] // *Politeia*, no. 4 (91): 32—69. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-4(91)-32-69.pdf (accessed on 24.10.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2019a) "Kontseptsija razmezhevanij i teorija problemnykh izmerenij: tochki peresechenija" [Cleavage Theory and Theory of Issue Dimension: Cross-Points] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 95—112. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyuk.pdf (accessed on 24.10.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2019b) "Novye instrumenty izmerenija elektoral'nykh razmezhevanij: ot macro- k mikrourovnju" [New Instruments for Measuring Electoral Cleavages: from Macro- to Micro-level] // *Elektoral'naja politika* [Electoral Politics], no. 1. URL: http://electoralpolitics.org/en/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/ (accessed on 16.09.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2020) "Prezidentskaja kampanija 2016 g.: elektoral'nye razmezhevanija, ikh politicheskaja interpretatsija i sotsial'nyj bekgraund" [Presidential Campaign 2016: Electoral Cleavages, Their Political Interpretation and Social Background] // Kuznetsov A.V., ed. *Fenomen Trampa* [Trump Phenomenon]. Moscow: INION RAN: 50—67. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2023) "Struktura elektoral'nukh razmezhevanij po itogam dumskikh vyborov 2021 goda" [Electoral Cleavage Structure: 2021 State Duma Election] // *Elektoral'naja politika* [Electoral Politics], no. 1 (9). URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/struktura-elektoralnykh-razme-

zhevanii-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda/ (accessed on 16.09.2023). (In Russ.)

Lachat R. (2018) "Which Way from Left to Right? On the Relation between Voters' Issue Preferences and Left—Right Orientation in West European Democracies" // *International Political Science Review*, vol. 39, no. 4: 419—435.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) "Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction" // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: The Free Press; London: Collier-MacMillan: 1—64.

Lukyanova E. and E.Poroshin, eds. (2022) *Vybory strogogo rezhima. Kak rossijskie vybory stali nevyborami i chto s etim delat': Politiko-pravovoe issledovanie s elementami matematiki* [Strict Regime Elections. How Did Russian Elections Become Non-Elections and What to Do about It: Political and Legal Research with Elements of Mathematics]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Meleshkina E.Yu. (2004) "Kontseptsija sotsial'no-politicheskikh razmezhevanij: problema universal'nosti" [The Concept of Socio-Political Cleavages: the Problem of Universality] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 4: 11—29. (In Russ.)

Rovny J. and J.Polk. (2019) "New Wine in Old Bottles: Explaining the Dimensional Structure of European Party Systems" // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 12—24.

Rovny J. and S.Whitefield. (2019) "Issue Dimensionality and Party Competition in Turbulent Times" // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 4—11.

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) "Caesarean Politics in Hungary and Poland" // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Shpilkin S. and A.Arutyunov. (2022) "Matematicheskie metody fiksatsii sposobov dostizhenija tselej i zadach avtoritarnoj vlasti" [Mathematical Methods for Fixing Ways to Achieve the Goals and Objectives of Authoritarian Power] // Lukyanova E. and E.Poroshin, eds. *Vybory strogogo rezhima. Kak rossijskie vybory stali nevyborami i chto s etim delat': Politiko-pravovoe issledovanie s elementami matematiki* [Strict Regime Elections. How Did Russian Elections Become Non-Elections and What to Do about It: Political and Legal Research with Elements of Mathematics]. Moscow: Mysl': 341—364. (In Russ.)

Stoll H. (2004) *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf (accessed on 3.09.2023).

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) "The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95" // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.